

* * *

Живу у Бродского в подрыснике,
Как маленький жучок навозный.
Мне не увидеть света ясного,
Лишь залетает пух мимозный,
Мошка летит, сухие веточки,
Кусочки индюшачьих почек.
И я чихаю, словно деточка,
Ноздрю чью солнышко щекочет.

Яндекс поэт

новый мир читать последний номер
амфибрахий сколько ударений
как оставить анонимно коммент
ломоносов книга откровений

электронный адрес форум липки
издать книгу железнодорожный
бродский и не совершай ошибку
чёрная пластинка невозможней

муза евтушенко сколько весит
как писать французские сонеты
способ не беситься если бесит
вуз где обучаются поэты

сколько раз рыбак закинул невод
платье к лету ювелирный вырез
шведская актриса ингвар бергман
люберцы селёдка самовывоз

* * *

Ты на четверть Бог, на две четверти человек.
На одну шестнадцатую – пчеловед.
На одну тридцатую ты король.
А твоя отмершая часть – корой.

На одну шестнадцатую ты кентавр.
На две первых ты всё равно в кентах
У всех равных, поскольку седьмая часть
В руках той, у которой в руках и власть.

На сотую часть ты Яго. На сотую Арлекин.
Много частей в которых ты шут и мим.
Есть части, не занятые ничем вообще.
Есть часть, что кружится надо мной в плаще.

Есть часть в бочке, катящаяся к концу.
Есть часть, подносящая нож к лицу
Той, у которой седьмая часть,
Той, у которой в руках и власть –

Власть над тобой, надо мной и над всем вообще.
На одну тысячную ты человек в плаще.
Если в целом: тебя в этом мире нет,
Единицунанольразделитьпоэт.

* * *

Возьми меня так, чтобы цветы – из пальцев.
Тысячелистник, мать-и-мачеха и лилейник,
Ожившая муза мёртвых уже испанцев,
Сгусток воздуха, летающий по арене.

Возьми меня так, чтобы волосы снежным пухом
Испарялись, конденсировались и снова
Испарялись, когдаходишь свободным духом
В меня, как стихотворение входит в слово.

Измождай меня, из спальни устрой концлагерь,
Муза мёртвых испанцев, русская шовинистка,
Чтобы я, будто атом, который попал в коллайдер,
Не мог ни кричать, ни плакать, ни шевелиться.

Отрекись от меня, чтобы общим телом
Видеть драконьи стаи, горные грозы и водопады,
Чтобы двух миров прочерченным водоразделом
Тьму и свет превращать в тысячи кровотокащих виноградин.

А когда по Стиксу загрохочут встречные грузовые,
На другой берег, прошу, перенеси над бездной,
И зажги лампы за все языки земные,
Чтобы в каждой затрепетал – небесный.

Женщина наоборот

Ты ходишь головой. Целуешь пяткой.
Коленкой смотришь. Ляжкой говоришь.
Легко все части тела увлеклись
Игрою в салки и игрою в прятки.

Под синим платьем ухо позвонка –
Признаньям пальцев так пристрасно внемлет.
И я, по пояс погружённый в землю,
Наполовину в небесах пока.

По маю снег остался лишь во мне,
В пещере тесной, скрытой костью лобной.
И ты рукой отбросила надгробье
И старый снег подбросила к луне.

Не стало платья, но остались мы.
Не стало ляжек, головы, коленок:
Взошли везде созвездия горелок
Сверхновой и пульсирующей тьмы.

Саломея

Вечернего зренья заросшие каменоломни,
Среди которых вьётся шумный каскад канала,
Расступаются, обнажая цементный завод в Коломне,
Чьи элеваторы безветрие обкорнало.
Так Афродита оставила время стареть в пещере.
Но время за годы мутировалось до динамита,
И его уровень уже примерно в районе шеи,
Будто разлившаяся Нева – несчастье антисемита.
Но даже если корни его уходят куда-то к Ною,
Оно само собой порождает тысячи разных пьесниц,
Среди которых, укрытые простынёю,
Крест и звезда, пирамида и полумесяц –
Вместо тебя, поэтому кажется оспоримой
Твоя теория о суггестии вероломства,
Где жизнь испаряется с каждым словом, являясь неиспаримой,
И показывает мне карту с узкоколейками Холокоста,
Переходящими в подъездные пути логистических терминалов
Того зазеркалья, где я ногтем отскабливаю амальгаму
И вижу сквозь дыры, как новенький Терминатор
За войском идёт в заснеженную Вальхаллу.
Ты просыпаешься утром – дом твой увит метелью.
И в окно летит шестикрылым подобьем птицы
Шар бытия – и ты приспособливаешься к виденью.
И льётся Чёрное море с левой лопатки на ягодицы.
И тонкое небо дрожит, норвящее разорваться.
И моя голова уже поднимается по душевным лозам
Твоим в сон наяву, не сравнимый с полотнами Караваджо.
И солнце в клетчатой дымке блестит подносом.

Арканар

На восточной окраине, у залива, где от палёнки
Сдохло полшколы, и от сифилиса нет отбоя,
Я сидел у проходной гарнизона и ждал Алёну,
Но она так и не вышла, после отбоя.
Солнце садилось. Заприметив во мне чужого,
Гопники курили и постреливали глазами,
Но почему-то не подходили. Произнеся полслова,
Поэт провёз на тележке коробки с карандашами.
Я слышал аллегро оркестра и органнй выдох.

Луна сняла сандалии и бросила, попав мне в темя.
Небо было похоже на дно корыта,
Из трещин которого беглые вились тени.
А к Алёне когда она уже почти досидела смену
И в разрядном журнале регистрировала приказы,
Зашёл молодой лейтенант, и предложил измену.
(Вряд ли он ожидал, что Алёна отдастся сразу)
По прямым линиям пересекали город
В гробовой тишине большие собачьи стаи.
И я стал одним из тех, кого убивает голод,
За озвученную вслух позицию о восстании.

Гранат

Среди дев ветра, разломанный изнутри,
Думающий о зубах твоих (под давлением тюрьмы сока)
воскликает в безвременье, и я слышу молитвы три:
о воде, о любви, чтобы встала с колен осока.
Он прощается долго: уже последние РЖД
Увозят двумерных духов в лабиринты твоей Канады,
И я смотрю и им в след и вижу всю жизнь в 3D,
И чувствую, как судьба встает сама на сервисные канавы –
изолинии памяти – кольца, показавшие возраст мой
Заходящей в метро, которой не примирится с ложью,
И знающей лишь, что свет, поглощённый тьмой
В мире творит, когда сеткою кровяной
С двух сторон татуируется наша кожа.

* * *

Там, где проходит жизнь Христа,
Много одиноких твоих олив,
Чтобы можно было разнять уста,
Ничего на землю не уронив.

Там, где песок летит на ладонь,
В последний момент отклоняя сачки,
Я смотрю подолгу на твой огонь,
И в белом нагаре мои зрачки.

Там, где невидимые врата
К живым замкам не пускают рук
На моих плечах, крепко сжав уста,
Уснёт заснеженный твой паук.

А там, где у смерти глаза блестят –
Там, где никто не искал любви,
Зажгутся и громко зашелестят
Твои лопатки, как буква «v».